

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

ВОИН ОГНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Оксана Демченко

Воин огня

«АЛЬФА-КНИГА»

2012

Демченко О.

Воин огня / О. Демченко — «АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1315-7

Ты сын вождя, наследник славы великого деда, получивший право стать воином огня. Вот бледные, и они враги, – все просто. Бери по праву победителя что пожелаешь, бери и не сомневайся! Пусть гудит гневом пламя, дарующее силу. Ты уверенно владеешь им... однако не владеешь собой. Стоит ли победа в бою такой жертвы? И какие еще принесешь ты, стремясь к величию? И от чего откажешься, чтобы, повзрослев, остаться собой в большом мире, где нет простых путей и однозначных ответов?

ISBN 978-5-9922-1315-7

© Демченко О., 2012
© АЛЬФА-КНИГА, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Оксана Демченко

Воин огня

Глава 1

Всадник на пегом коне

«В начале времен мир был пуст, его висари называлось совсем просто – покоем и неразличимостью. Но как зима сменяется летом, так и покой иссяк; как лед расслаивается, внизу водой делается, аверху туманом, так и различия родились из неразличимости. И стали они основой мира: асхи, асари, амат и арих, так мы их зовем, первичных духов. Явившись, они возмутили висари и разрушили, разбили сам мир надвое, расслоив неявленное и явленное. Так возник зеленый мир. И преграда возникла, отделяющая духов от него. Тогда думать стали. Себя отразили в преграде и обрели оба мира, восстановили единое их висари. Сделалось то висари сложным, тонким, и, чтобы не исчезло оно, снова разрывая единое, посадили дерево, вросшее нижними корнями в зеленый мир, а верхними – уходящее в неявленное. Мы, люди, – и есть то дерево. Поэтому у каждого от рождения две души. Левая, явленному принадлежащая. И правая, к неявленному чуткая. Первую утратишь – к духам уйдешь. Второй лишишься – к зверям спустишься. Трудно держать висари, трудно слушать духов. Для того нам даны мавиви. На грани стоящие. Их беречь надо».

(Легенда о происхождении мира, записанная профессором Маттио Виччи со слов савайсари племени макергов; текст хранится в библиотеке университета долины Типичери)

Утро будило лес неторопливо и бережно. Прошумело зевком ветра в кронах. Зазвенело и улыбнулось бликами качнувшихся листьев. Встряхнулось вьюном мошкары, волнующим плотный слоистый туман, серый, еще ночной...

Пегий жеребец двигался по лесу привычным неторопливым шагом. Иногда пофыркивал, словно окликая своего друга и намекая: хватит по-детски играть в великого охотника! Не время. Они ведь спешат, у них дело. Большое и важное дело, достойное сына вождя. Ради меньшего даже ему не позволили бы ехать верхом, коней у махигов не так много. Тем более таких коней, чья шкура отмечена узором самой Плачущей... По молочному ворсу тут и там ложатся ровные овальные пятна теней, срastaются в сплошной, почти черный ремень на спине, рисуют на морде маску-шлем. Три копыта черны, и лишь правое переднее сияет белизной, как бывает у лошадей с добрым ходом. Стоит на таком коне пуститься в путь по важному делу – и оно обязательно совершится наилучшим образом...

То ли сын вождя пресытился игрой в отслеживание оленей, то ли осознал, что надо беречь время, но свое интересное безделье он прервал и явился, точнее, свалился прямо на спину пегого с низкой ветки.

– У-учи! – победно буркнул сын вождя, успокаивая коня и заодно подбадривая: мол, звал – так вперед.

Людские тропы в диком лесу едва заметны. Так и должно жить, не нарушая святости дыхания зеленого мира. Всадник поудобнее устроился на заменяющей седло шкуре редкого черно-белого ягуара, перетянутой ремнем. Нашарил повод – тонкую косичку, плетенную из трех цветных кожаных шнуров, широкой свободной петлей наброшенную на конскую шею.

Говорят, бледные всегда управляли лошадьми, используя железо. Даже в редком лесу, где не требуется точность приказов и где уже давно не шумят бои. Но нынешние хозяева не оскорбляют коней недоверием, тем более таких – отмеченных драгоценным окрасом, угодным Плачущей.

Седок потянулся в сторону, погладил пальцами кору огромного дерева, какое и троим взрослым воинам не обхватить, вежливо поклонился великану, старейшине этого леса, и шелкнул языком, снова поторопив коня. Он выследил безупречного оленя и долго вел его по тропе, рассмотрел рога, сосчитал все отростки и успел порадоваться: безусловный вожак, ни малейшего изъяна. Он уже был готов прыгнуть на достойного противника, даже гладил извлеченный из ножен длинный охотничий нож и... и прекратил игру. Он сыт, он далеко от дома, он едет по делам, и, значит, этот олень не зря чувствует себя в полной безопасности.

Пегий выбрался из оврага на ровную удобную тропку и пошел «лесным бегом», так называли махиги эту странную помесь прыжков косули и конской рыси, наилучшую для движения по задичалому, холмистому лесу. Капли вчерашнего дождя иногда срывались из поднебесья, с далеких верхушек крон, где шалил ветерок, и летели вниз, скользя по иглам хвои, вспыхивая слезинками Плачущей в низких лучах утреннего солнца... Седок точным движением поймал на ладонь пропитанную солнцем каплю, лизнул и чуть прищурился: сладкая, пахнет недавней весной, еще помнит молодость этого годового круга.

Впереди улыбкой юного дня блеснул прогал опушки. Всадник нахмурил густые темные брови, глубоко втянул воздух. Жилье людей в любом лесу опознается издали. Особенно бледных. Не умеют они пребывать в ладу с зеленым миром. «Не умеют – полбеда, так ведь и учатся неохотно!» – рассердился всадник, вслушиваясь в чуждые лесу шумы далекого поселка. Зачем бледным выделили земли? Да, дед по мужской линии так велел перед смертью. Последнее слово великого воина Ичивы не может быть предметом обсуждения. Даже если оно высказано при явном помутнении разума – так с некоторых пор полагал внук героя. Сейчас именно он хмурился, принимался и решал: погладить пегого по шее, убеждая сойти с тропы и обогнуть вырубку, или шевельнуть повод, направляя коня к прогалу опушки, проехать ее краем и глянуть, как живут бледные. Это ведь его земли, но здесь люди его рода не появлялись, наверное, уже давно. Можно, почти не кривя душой, назвать шевельнувшееся в душе любопытство, долгом перед лесом. И заодно позволить себе со вкусом и без спешки погасить раздражение, вызванное мыслями, чуждым лесу шумом и едва различимым запахом дыма. Так удобно – успокоиться и ехать далее, осознавая свою правоту и силу, если под руку подвернется кто-то из бледных... Приятная мысль, дельная. Всадник шевельнул пятками, выбирая короткий путь вниз по склону.

Он сразу приметил работницу, именно в это время выпрямившуюся от длинной гряды с побегами батара. Так получилось: она дала отдых спине и встряхнула гривой волос, едва пегий вывернулся ящерицей из зарослей и загарцевал на скользком после дождя склоне, сползая, увязая в красной жирной грязи и заодно забавляясь скольжением... В иное время сын вождя, возможно, подхлестнул бы коня и убедил ускорить спуск. Но не теперь. Незнакомая и уже потому интересная девушка заслуживала того, чтобы потратить немного времени. Можно рассмотреть ее и заодно решить, сколько, собственно, этого самого времени тратить. Точнее, стоит ли спешиваться.

Первый взгляд не уму принадлежит, скорее уж наоборот, он – искра безумия. Или зажжет смолистый факел интереса, или угаснет в холодном тумане безразличия. Это потом уже усердный и настойчивый разум расстарается, затеплит костер и пригласит к нему на беседу, позволяющую составить настоящее мнение. Взрослое. Сын вождя поморщился и ощутил, как растет раздражение. Он не желал сегодня сидеть у костра разума. Пусть старики греются и тратят время на нудные беседы. Он-то молод...

Девушка была почти такая же бледная, как остальные жители этой фермы, но и отличия легко опознавались – по тяжести и густоте иссиня-черных волос, пушистых, выующихся. По заметному оттенку заката на коже, по особенному разрезу глаз, удлинённых, очень крупных, скрытых в тени ресниц... Определенно кто-то отметил своим вниманием ее мать, кто-то из достойных представителей народа махигов. Но, видимо, он спешил, как и нынешний путник. Не оставил бус родства, чтобы, вернувшись годом позже, забрать ребенка. Что ж, хвала духам леса, так гораздо удобнее и проще. Не возникнет долга. Старики говорят, было и лучшее время, когда с собой не возили бус, а бледных числили имуществом и делали с ними все, что душе угодно. Они другого обращения едва ли заслужили! Подлые бездушные злодеи, явившиеся в зеленый мир и принешие войну. Многие и теперь считают бледных не людьми, полагая новый закон ложью и знаком слабости махигов.

– У-учи, – усмехнулся седок, бросая повод и тем замедляя спуск еще более.

Он-то не слаб, и он имеет право как сын вождя и внук вождя. Полукровки почти всегда красивы, да что там, давно известно: именно они обладают сложным и неповторимым обаянием, делающим их неотразимыми. Лица полукровок неправильны, от бледных матерей они получают излишне пухлые губы и слишком узкий выступающий нос, часто и цвет глаз далек от почитаемого наилучшим – карего... У этой работницы глаза синие. Плечи узковаты. «Бледный народ, – как сказал однажды двоюродный брат мамы, – не обладает силой, даруемой лесом». Но в хрупкости есть своя прелесть. Прежде друг пегого коня оспаривал и высмеивал подобные рассуждения, но теперь убедился воочию...

Бледные женщины обычно слабогруды, под нелепой мешковатой рубахой без пояса тело едва проступает, а жаль. Хотя кто мешает подойти поближе и проверить, хороша ли грудь и широки ли бедра? Эта мысль в единый миг разогрела кровь, толкнула руку с поводом, и пегий всхрапнул, затанцевал злее и сместился вплотную к низким жердям ограды батарового поля.

Сын вождя поправил в волосах длинное перо, иногда норовящее выскользнуть из косицы. Если полукровка унаследовала от отца не только цвет кожи, имеет смысл подумать, а не задержаться ли тут на весь день, чтобы бросить ей завтра бусы? Всадник одним движением спешил, наступив на жердь и спрыгнув на мягкую землю возле крайней гряды. Еще полный годовой круг его судьба будет в руках Плачущей. До тех пор он вполне свободен в выборе бледных, особенно здесь, во владениях рода махигов...

Внук великого воина Ичивы шел по влажной прохладной красной земле, ступая босыми ногами мягко, как на охоте, без звука перетекая и подкрадываясь. Солнце рисовало его тень впереди, ветерок играл двумя перьями орла в причёске, давая рассмотреть оба и подтверждая: это идет сам старший сын вождя. Большая честь для ничтожной бледной даже стоять рядом с ним, а эта нелепая полукровка словно не знает закона, замерла без движения, не убежала, но и не упала на колени, не сгребает волосы так, чтобы он мог удобно их прихватить на темени. Не делает и иных знаков, лишь стоит и смотрит. Прямо, в упор. Не моргая, не отводя взгляда. Надо полагать, старается себя показать в наилучшем свете и заслужить бусы. Еще бы... такие глаза – чудо.

Сын вождя взгляделся, задохнулся – синее пламя чужого взора было огромно. Сердце дрогнуло – и жар разгорелся в груди, заполнил все существо, испепеляя и уничтожая нелепый, годный лишь для стариков разум.

– У-учи. – Махиг ласково улыбнулся нелепой девчонке, не умеющей себя вести, прямо-таки дикой. Он заподозрил с растущим интересом: наверняка никто еще не снисходил до нее, а это особенно занятно... – У-учи, стой смирно. Вот так. Хорошая девочка, у-учи...

Полукровка задыхалась часто и испуганно, неловко перехватила бронзовый, цвета кожи настоящего махига, нож. Сталь для бледных, к тому же живущих отдельными поселениями, – под полным запретом. Но и этим тупым ножом, годным лишь для удаления сорняков и рыхления, она попыталась ударить. Пришлось чуть отодвинуться. Отец много раз повторял, что

злость у бледных неизбежна, она течет в их стылой подлой крови... Не зря эта кровь проступает в жилах синевой, словно метит вены изморозью зимы. Он слышал от старших, да и приятели шептались, намекая на взрослость и похваляясь вроде бы богатым опытом: женщины бледных не так хороши, как женщины истинных махигов. Но пока он слишком молод, чтобы знать решение Плачущей, и потому своего мнения не составил, сравнивая. Полукровка закусила губу и замахнулась повторно.

– Бешеная ты, что ли? – Сын вождя повысил голос, снова ощущая приступ злости к пришлым.

Вывернул тонкую руку резко, до хруста, вынул нож из ослабевших пальцев и отбросил подальше, презрительно морщась и слушая, как девушка стонет и охает. Полукровка, но боли терпеть не умеет. Значит, кровь матери оказалась в ней сильнее отцовской, страх и слабость – ее удел от рождения и до конца дней... Таким не оставляют бус. Чуть помешкав, сын вождя прихватил волосы на темени, сгибая к самой земле тонкое, даже тощее, тело. Снова поморщился. В некотором замешательстве осмотрелся. Прополка на поле почти завершена, дождь вчера шел весь день, кругом, куда ни глянь, сплошная красная грязь...

Он более не ощущал за собой правоты, эти слезы и стоны стучались в его правую душу и будили целый рой сомнений. Отец говорил: «Бледные лишены большой души, поскольку они чужие лесу. О них следует думать меньше, чем о любом олене или даже волке... Их можно убивать ради забавы». Нет, именно так отец не сказал, но были и другие, взрослые и уважаемые воины, те, кто пояснял и наставлял, объяснял и учил... Да что воины, даже сами бледные кланялись сыну вождя и твердили: «Все в этих лесах – твое!» Вот только дед по женской линии советовал жить своим умом и прислушиваться к голосу сердца, а не к трескотне глупых чужаков. Дед вздыхал и сетовал: «Нынешний вождь – и тот глуховат. Или его сердце онемело?»

Сын вождя сердито встряхнул головой и замер. Для мужчины сомнения, тем более выказываемые явно, – слабость, так учил отец. Юноша огляделся, разыскивая удобное сухое место, тем самым давая себе время унять жар, заполнивший душу, пряча сомнения за делами и простыми мыслями...

Когда был молод его дед по крови отца, в этих лесах жили иначе. Не было ни бледных, ни лошадей, ни привычки строить дома, основывая постоянные поселения, привязывая себя к месту от первого до последнего вздоха. Свобода пропитывала воздух, роднила с лесом и дарила радость... Увы, прошлого не вернуть. Бледные сожгли мосты на берег минувшего, где навсегда осталась, доступная теперь лишь в воспоминаниях уцелевших стариков, прежняя жизнь зеленого мира и населяющих его людей. Никто не звал бледных. Сами пришли, явились из-за горизонта на своих огромных кораблях, ничуть не похожих на рыбацкие лодки. И не просто поселились, но принесли войну, сделали реки красными и горячими от пролитой крови махигов и иных людей леса, степи и гор. Вступили своими обутыми ногами на лесные тропы, вытаптывая траву и разрывая дерн. Заставили стонать и вздрагивать могучие горы. Оскорбили мир, подрубая лесных старост, – самые высокие и славные деревья. И зачем? Всего лишь ради дров...

Его дед по мужской линии, славный вождь Ичива, тогда первым разделил душу и обрел силу, это помнит наставник Арихад, великий воин и мудрец, который больше иных сделал для военных побед. И теперь внук великого Ичивы вкушает плоды побед. Он, юный Ичивари, ездит на пегом коне, живет в большом удобном доме и знает границы своих лесов. Границы, само появление которых украло у народа махигов свободу и сделало сладкий воздух затхлым. Знание бледных не утекло в море вместе с их холодной кровью. Увы, в довершение бед все тот же Ичива, дед по линии отца, перед смертью сошел с ума и запретил жаждавшим мести воинам умертвить всех пришлых. Зря, они подлые и слабые. И знание их чужое, не следовало его перенимать, не стоило впускать в этот мир, первозданный и совершенный. Того и гляди

опасный яд впитается в кровь махигов, и люди леса начнут носить обувь даже летом. Многие уже теперь мерзнут, их дух ослаб, а пальцы сделались холодны...

Полукровка взвизгнула и извернулась. Ответная злость вспыхнула с новой силой. Ну что за ничтожество! Вывих – это не повод для криков. Истинный махиг должен молча терпеть любую боль. Если бы великий дед Ичива выжил в том бою, если бы он сохранил свою мудрость единения с силой огня – он бы не допустил нынешнего позора. По причине предсмертной слабости деда Ичивы бледные и теперь живут на красной земле. Им даже позволяют строить жилища и выбирать себе вождей. Им разрешают учить детей языку народа леса, а некоторых и письму. Их допускают на большой торг, хотя еще не так давно самих держали в загонах для скота...

Ичивари дотащил упирающуюся и всхлипывающую полукровку до сарая. Каждую осень в такие собирают сухие стебли батара, чтобы жечь их и обогревать жилье. Летом сараи пустуют, утоптанная земля в них покрыта циновками, в углу хранятся бронзовые ножи и тяпки. Полукровку он швырнул в сарай и замер на пороге, морщась и с растущим презрением рассматривая ее, жалкую, скорчившуюся, покорную. Бледные, как однажды сказал славный ранвари Утери, вызывают отвращение. Они так ничтожны и слабы, что снисходить до них непросто, не закипает в полную силу кровь, да и пахнут они как-то чуждо, даже, пожалуй, неприятно. Кожа у них рыхловатая, словно они все время болеют. Противно. Еще хуже то, что нет ответного огня...

Мгновенный порыв, вынудивший спешиться, угас. Бледная в тусклой тени сарая больше не казалась красивой и желанной. Ее поведение вызвало сомнения и раздражение. Но и вымещать злость на кричащей из-за одного вывиха – тоже нелепо, даже смешно. Ичивари, сын вождя народа махигов, все еще стоял на пороге лишь потому, что не знал, достойно ли это воина: просто отвернуться и уйти. В конце концов, она полукровка и вполне могла понадеяться на бусы, обомлев от счастья: когда еще представится возможность лицезреть самого сына вождя, редкостного гостя в здешнем убогом селении... А ну как она – болтливая лгунья? Станет трепать языком, порочить имя потомка Ичивы в своем жалком селении. К тому же он так и не проверил, достойно ли внимания тело. Вот проверит, убедится, что нехороша, – и уйдет, получив веский повод.

Пришлось без всякого азарта охотника войти в сарай, снова сгрести темные волосы и дернуть голову вверх. Второй рукой нащупал край рубахи, сотканной убогим способом, который разрешен бледным. Ткань легко поддалась, расплзаясь. Так и есть: тощая, слабогрудая. Снова кричит, опять жалуется на вывих. Пришлось вправить руку, чтобы унять постыдный визг. Он так старался сделать все быстро и ловко, что упустил движение второй бледной руки и смог перехватить нож лишь на излете, у самого живота. Тупая, сточенная красной землей бронза все же успела чиркнуть по коже такого же яркого закатного цвета, удар пришелся в место над самой бедренной повязкой.

Ичивари ненадолго задумался, рассматривая нож. Нашарила на полу, это понятно. Но зачем? Возможно, решила доказать силу крови отца. Что ж, попытка достойна некоторого уважения. Конечно, он сын вождя, она ему не ровня. Должна была сама сообразить, едва заметив два орлиных пера в волосах... Из царапины на животе одной-единственной алой росинкой выступила кровь. Но и это неоспоримо. Ичивари нехотя пожал плечами и в два быстрых движения вывернул полукровке оба локтя.

– На что претендуешь? – спросил он, медленно и отчетливо выделяя слова, когда она устала кричать и затихла. – Ты понимаешь речь леса?

Губы полукровки стали серыми, прямо-таки мертвыми. Пришлось похлопать ее по щекам, приводя в чувство. Как общаться с таким вот нелепым народом? Сама нанесла ритуальную рану, и что? Льет слезы и молчит.

– Ты понимаешь речь моря? – спросил Ичивари на языке бледных, избрав самое распространенное в их поселках наречие тагоррийцев. – Не молчи, иначе вырежу язык, чтобы ты имела право молчать...

Вся мерзость бледных – в их неумении быть людьми. Они не контролируют своих дел и желаний, они прячутся за своими слабостями, отказываясь отвечать за содеянное. Надо полагать, полукровка не наносила ритуальной раны, просто ненадолго сошла с ума от страха, так бывает с ничтожными. Только сделанного не вернуть. Рана нанесена. Ичивари холодно усмехнулся. Он один и знает об этой царапине, но разве он станет лгать и даже просто молчать о случившемся ради полукровки, оправдывая и покрывая ее постыдную трусость? Зачем? Он – сын вождя, а дикая совсем не оценила уделенного ей внимания. Значит, тем более заслуживает наказания. Он готов был снизить и даже подумал о бусах, почти всерьез или даже совсем всерьез...

– Здесь кровь махига. – Он указал на потемневшую и уже подсохшую каплю на своем животе. – Закон гласит: бледный, пожелавший увидеть цвет нашей крови и не намеревавшийся совершить убийство, заявляет тем самым о своем праве жить в лесу, которое должен подтвердить, пройдя испытание. Я мог бы дать тебе выбор, но я спешу. Понимаешь? У меня нет времени, значит, жажда и голод отпадают. Остаются огонь и сталь. Огонь для женщины – плохо, он тебя слишком сильно изуродует.

– Умоляю меня простить, великий вождь. – Полукровка наконец-то смогла совладать со своей болью. – Это была случайность. Умоляю...

Она была ниже Ичивари самое малое на полторы головы, он заметил, пока шел по полю. Она стояла на коленях с вывернутыми локтями и плакала. Совсем беспомощная. Она вызывала сложные чувства – смесь гнева, отвращения и тянущей мучительной боли. Огонь в душе угас. В левой, малой. Правая была пуста и темна... Как можно нанести рану и отказаться от сделанного? Как можно не принять предложенного права жить в лесу? И что еще хуже: почему ему почти жаль эту тощую полукровку? Лес мудр, он дает выжить сильнейшему. И ни единая травинка в этом лесу не вздрогнет от жалости к бледным чужакам. Тем более не пожалеет он – внук вождя Ичивы, однажды побывавшего в плену у бледных, не получившего от врага ни капли жалости, только чистую боль...

Ичивари встряхнул волосами и усмехнулся, усердно гася тлеющие в душе глупые искры жалости. Обошел девушку и стал выбирать из кучи бронзовые ножи, грубо сделанные и сильно сточенные работой. Прихватил моток взлохмаченной старой веревки. Жалось угадла, позволяя думать спокойно и логично. Как бы поскорее устроить испытание? Проще и удобнее всего – срезать кожу со спины или...

– Умоляю, я буду послушной... все, что вам угодно, умоляю, – всхлипнула полукровка.

«В любом случае надо ее как следует привязать», – продолжил молча рассуждать Ичивари, раздражаясь все сильнее. А как не злиться? Сперва это ничтожество ему, сыну вождя, норовило отказать – уже нет сомнений, именно так и было! Теперь же бледная хочет сослаться на слабость и избежать испытания, вполне обыкновенного для настоящих махигов и не угрожающего жизни. Слабая ноет и стонет, наглядно проявляя покорность и предлагая ее как товар. Ему же, недавно отвергнутому! На его земле, в его родном лесу, где ни один бледный не имеет права спорить и возражать сыну вождя.

Злость стала черной и холодной, как ночная вода. Ичивари бросил веревку и оба бронзовых ножа. Потянул из ножен на бедре охотничий, стальной.

Следует совершить необходимое – перерезать ей горло. Так велит закон. Потому что полукровка только что неосторожно и вполне отчетливо призналась, извиняясь за намерение: она виновна, поскольку пыталась убить. Воин огня Утери как-то обронил с презрением: «Ты еще не воин, на твоём ноже нет крови убитых тобой врагов. Твоя душа не прошла очищения огнем гнева, избавляющего от ложных сомнений». Сегодня внук Ичивы докажет, что он – воин

и взрослый. Он исполнит должное и тогда гордо покажет свой нож наставнику. Тот, кто близок великому духу ариха, будет доволен. И не откажет в ритуале разделения. Может статься, даже приблизит его срок...

Нож удобно лег в руку. Собственного изготовления, живой, еще горячим выкупанный в крови своего хозяина, с узором лучшей стали, серым и выющим, как туман поутру... Широкое лезвие, рукоять из рога оленя отделана серебром, обмотана тонким шнуром из лучшей кожи.

Можно перерезать горло и тем сократить агонию. А должно – по старому закону так и следует поступить – в точности вернуть удар. Пнуть полукровку, сваливая на циновки. Прижать коленом бедра, а рукой – плечи. Разрезать рубаху, обнажить живот. Установить нож на ее теле там же, где на бронзовой коже сына вождя остались метка и капля крови. И вогнуть до рукояти...

– Умоляю, – без надежды в голосе всхлипнула полукровка.

Ее можно понять. Ударил ведь так, что лучше и не прицелиться... или – хуже? Когда он вернет бледной этот удар, она станет умирать медленно, полный день, а то и дольше. Придется оставить в ране нож... Ичивари поморщился. Зачем он поехал по опушке и зачем спешился? С бледными всегда так. Ничего хорошего, только черная злость и отвращение. Стыдно признать очевидное: он не способен ударить в живот... Он слаб духом, и, увы, он еще не воин. Да и дед Магур не одобрил бы, хотя дед по линии матери воевал с бледными, и слава его в чем-то даже выше славы Ичивы. Мужество деда Магура неоспоримо, и никакой Утери ему не указ...

– Хорошо, я учту твои слова, – нехотя буркнул Ичивари, с каким-то отрешенным отчаянием удивляясь, как далеко все зашло и как вдруг сделалось невозможно просто уйти. Будто бы он, сын вождя, не свободен на своей земле. – Просто перережу горло. Так удобнее и быстрее. Я ведь спешу...

Полукровка попыталась что-то сказать, уже губы дрогнули, но звук так и не родился. Видимо, осознала бессмысленность своих криков и жалоб... Но смотрит так, что чернота слева на душе копится все гуще и тягостнее. А справа вовсе камень повис, тянет к земле. Рвет большую душу.

Может, чем-то накрыть ей лицо? Ичивари обозлился окончательно, рванул волосы, вскидывая узкое бледное лицо выше, чтобы нож прошел удобно. Колебался еще какое-то мгновение, не понимая смысла сомнений, причиняющих худшее мучение, чем любая пытка у столба боли. Он готов был поддаться и двинуться прочь от сарая. Может, вся беда в том, что глаза у нелепой девчонки – синие, совсем как весеннее небо над лесом. Словно она имеет право считаться родной здешнему миру. Но нет, такие глаза у бледных называют «цвета моря», значит, все его сомнения – обман и происки темных духов... Ичивари повел бровью, найдя довод убедительным. Деловито, уже без лишних мыслей, глянул на лезвие своего охотничьего ножа, избегая смотреть на синеглазую.

Он воин. Он имеет право. Он даже должен. Он...

Полукровка моргнула, из левого глаза по щеке покатилась слеза. Сын вождя еще раз молча убедил себя: он уже справился с сомнениями, воин лишен слабости. Надо перемочь дурноту и стать взрослым. Одолеть и эту пытку сомнений. Он всегда справлялся и находил в себе силы. Уже почти нашел.

Ичивари резко выдохнул – и начал опускать сталь к шее.

И замер. Слезка скатилась по бледной щеке, упала на циновку и осталась лежать, круглая и яркая.

Настоящая Слезка, знак самой Плачущей.

Это было невозможно. Если бы небо рухнуло на лес, он удивился бы гораздо меньше. Все утратило смысл, все рассыпалось в прах и сгинуло. Сам махиг отпустил волосы жертвы, не заметив этого. Привычным движением убрал нож в ножны и сел на циновку, непрерывно

глядя на Слезу и боясь утратить чудо. Вздрыгнул, опомнился, быстро вправил локти бледной – уже понятно, наказывать ее не стоит, пусть приходит в себя. А пока не до того, надо склониться, рассмотреть лучистую яркую каплю, не сгнувшую и теперь. И не почерневшую! Ичивари бережно и неуверенно тронул каплю кончиками пальцев. Она качнулась на сухих листьях батара, сплетенных в циновку. В ушах зазвенело тихо, но отчетливо, сердце сдвоило удары – отозвалось на звон, потеплело. Черные мертвые Слезы кричат болью и тормозят сердце, прокалывают холодом. Эта – живая, нет сомнений. Живая Слеза! У него на ладони – чудо. Дар духов. Знак.

Мысли в голове плыли, колебались и прятались в плотном дыму недоумения. Почему Плачущая отметила своим вниманием это ничтожество? Почему подала знак ему, сыну вождя, через столь чуждое лесу существо? Наконец, как понимать знак? Ведь он обязан сам истолковать и сам исполнить...

Тяпка прорубила дым недоумения в один взмах, Ичивари даже не успел увернуться. Слишком много думать, как и говорил наставник Арихад, вредно... Отворачиваться от врага – вредно вдвойне. Бешеная девчонка, пережив близость смерти, ничуть не поумнела, даже наоборот, стала злее прежнего. Она ударила изо всех своих невеликих сил и уже замахивалась снова, хотя руки болели – вон как закусил губу, на щеках сплошные дорожки слез... Ичивари тяжело вздохнул, отобрал тяпку, прикидывая, каких размеров будет синяк на спине. Подвигал плечами, проверяя, не треснуло ли ребро и не следует ли сделать плотную повязку. Искося взглянул на бешеную, отшатнувшуюся в угол и шипящую затравленно, но по-прежнему злобно. Она нагнулась, пробуя дотянуться до ножа... Глазищи стали темными, словно гроза в них полыхает.

Ичивари усмехнулся с некоторым одобрением, тьма в правой душе проредилась, напряжение ушло. Если бы эта полукровка сразу и толком полезла в драку, он бы не стал творить невесть что, пересиливать ее упрямство, настаивать. Он всегда уважает тех, кто умеет или хотя бы пытается быть сильным. Но теперь он окончательно запутался: что с нелепой девчонкой делать дальше? Пока, очевидно, – держать за предплечья по возможности плотно и втискивать в угол, хоть так прекращая ее попытки пинаться ногами. Два раза попала чуть ниже колена – больно, между прочим, и опять же синяки... Если он не прикончит дику, как объяснит их появление?

– Урод! Заделался в хозяева леса! Горелый пень! Падаль! Головешка!

Она теперь еще и кричала... На языке леса, причем без малейшего искажения произношения. Слушать оказалось забавно. Ичивари молча внимал и кивал, когда оскорбления бешеной полукровки получались особенно удачными. Сердцу ее шум приятен. Сын вождя даже подсказывал слова, если дикая запинаясь и смолкала. Пусть покричит. Потом успокоится и тогда-то станет возможно наконец понять, что же происходит. Сил в тощем теле немного, надолго их не хватит. Даже теперь полукровка держится на одной злости: она вся дрожит, вырываясь, почти висит на руках у махига...

– Закончила? – осторожно уточнил сын вождя. Усадил обессиленную полукровку в угол и бережно подобрал выроненную Слезу. – Почему ты сразу не сказала, что у тебя есть муж или что ты не ищешь бус? Исполнила бы закон, вежливо собрала бы волосы на затылке и заодно показала знак семьи...

– Ненавижу. Головешка горелая! – совсем тихо выдохнула полукровка последнее, видимо, обвинение и поникла.

– Поедешь со мной, – решил Ичивари. Вскинув легкое тело на плечо, он пошел через поле назад, к своему пегому, общипывающему траву за оградой. – Со мной тебя лес не обидит. Надо разобраться, что за знак мне послан. Это великий день. Много лет, насколько я знаю, махиги не получали живых Слез.

Он добрался до изгороди, подозвал пегого и посадил полукровку на жердь. Перепрыгнув с перекопанного поля на траву, потоптался, счищая с ног грязь. С сомнением погладил шкуру

ягуара. Сажать бледную на спину такого коня, да еще в почетное седло пестрого меха... Но своими ногами она вряд ли пойдет быстро и тем более охотно. Вон опять шипит, морщит лоб, не иначе выдумывает очередное оскорбление. Ичивари снял с коня повод, захлестнул запястья девушки петлей и проверил, плотно ли и удобно ли получилось. Перенес пленницу и усадил на светлую шкуру. Похлопал коня по шее и пошел к лесу. В груди копилась несуетливая тихая радость, словно теперь все правильно и сохраненная жизнь полукровки гораздо ценнее ее гибели, угодной старому закону, и даже важнее собственной, немного надуманной взрослости внука вождя.

– У-учи, Шагари, – сказал Ичивари пегому коню. – Идем. Не стоит глядеть на дома и дела бледных, иначе застрянем тут надолго. Эй, всадница священного коня с белым копытом! Может, прекратишь шипеть и назовешь свое имя?

Ответа не последовало. Новая волна злости, темнее и тяжелее прежней, накатила резко, накрыла с головой. Он мирно говорил с бледной. Он позволил ей ехать верхом, он убедил себя забыть все глупости, содеянные ею, и даже не казнил за преступление! И что в ответ? Ничего. Его старательно не замечают... На его земле, в его лесу!

Пегий взобрался на склон несколькими прыжками. Ичивари едва угнал за конем. Он вымазался в красной грязи и разозлился еще сильнее. Пленных не возят в седле! Их водят за конским хвостом, накинув на шею петлю. Там им самое место. Почему он не ощущал радости, когда бледная кричала от боли? Теперь бы он послушал ее жалобы, даже охотно рассмеялся... и добавил боли.

Сын вождя миновал опушку, остановил пегого и снял его всадницу. Она уже снова всхлипывала, терла связанными руками глаза. То ли вся сила крови отца иссякла и снова накатила слабость бледной матери, то ли просто детские капризы одолели... Сейчас, глядя на бледную в упор, Ичивари с некоторым смущением предположил: на лицо она выглядит старше, чем есть на самом деле. Когда утром он спрыгнул из седла и пошел по полю, думая о бусах и прочем, то полагал, что девушке не менее шестнадцати годовых кругов. Теперь усомнился. А если ей нет и четырнадцати? Дети вне любых дел взрослых. Не она нарушала закон – он сам был неправ. Но он – сын вождя! Надежда рода.

Синеглазая смотрела в упор, моргая, стряхивая с ресниц обычные соленые слезы и шмыгая распухшим красным носом. Жалкое зрелище. Но в глазах по-прежнему вспыхивали грозные огни, и потому смотреть в их хмурую синеву было занято. Он даже увлекся и подзабыл, зачем спешил полукровку, он снова был беззащитен, поскольку окончательно расстался с недавней острой жаждой причинять боль. Обида на странную девчонку сгинула быстро и без следа. Теперь Ичивари растерян и даже чуть смущенно думал, стоит ли заставлять полукровку идти пешком за пегим, ведь леса не понимает и...

Девчонка резко отстранилась, снова зашипела, злее прежнего. На плече мелькнуло нечто черно-белое, меховое. Ичивари не успел осознать и уклониться. Откуда у дикого скунса могла взяться привычка прыгать на руки к бледной чужачке? И тем более нападать на сына леса... Слезы залили глаза, кашель подступил к горлу. Ичивари отшатнулся. Услышав звук стали, покидающей ножны, сделал еще шаг назад и выругался.

Он стоял, упираясь спиной в круп пегого коня, на боку болтались пустые ножны, а о том, куда делась полукровка, не хотелось даже думать. Лес покачивал мелкими веточками под вздохами насмешника-ветра. Солнышко шурилось и подмигивало сквозь древесные кроны. Скунс без суеты двигался к кустарнику, гордый исполненным делом... Ни одна травинка не примята так, чтобы дать след. Ни одна сухая веточка не хрустит вдали, выдавая движение полукровки. Белки и сороки – и те словно в сговоре, молчат!

– Я горелый пень, – невесть с чего припомнил Ичивари шепотом. – Я этот... хозяин леса. Куда теперь идти? Вот позор-то... Скажу наставнику: «Меня ударила тяпкой и обокрала бледная четырнадцати годовых кругов от роду». Он спросит: «Что ты сделал с ней?» И я отвечу:

«Упустил связанную в лесу и позволил украсть мой нож». Я буду посмешищем на всех землях махигов.

Сделав столь мрачный и неоспоримый вывод, Ичивари нахмурился, стал серьезен. Собственно, какие тут шутки! Его нож у бледной, это недопустимо. Уйти отсюда, не вернув себе оружие, невозможно. Продолжить путь, не наказав бешеную и не разобравшись в природе появления Слезы, – недопустимо. Хотя смысл знака ясен, пожалуй. Плачущая заранее скорбела о нем, самом бестолковом сыне народа леса. Возможно, это начало конца. Когда осенью следующего годового круга он принесет дары и испросит права разделить душу и обрести силу ариха, духи его не услышат.

– Ну погоди, бешеная! – мрачно пообещал Ичивари. – Мы еще посмотрим... Я поставлю тебя у столба боли и испытаю огнем, меньшее отмищение не возместит оскорблений, нанесенных мне, старшему сыну вождя народа махигов. Клянусь...

Клятву следовало принести на крови, рука сама потянулась к ножнам – увы, пустым. Ичивари еще раз тяжело вздохнул и даже чуть ссутулился. Проклятушая полукровка лишила его даже возможности гордо произнести слова, подобающие сыну вождя. И что остается? Ползать по траве, шупать ее, искать камень с острой кромкой или нудно ковырять руку обломком палки, добывая хоть несколько капель крови, – это почти то же самое, что признать заранее клятву неполной и, значит, необязательной к осуществлению...

– Ну, погоди! – Пришлось ограничиться угрозой, достойной разве что ничтожной женской ссоры, и показать лесу кулак...

Высоко в кронах, пронизанных солнцем, защелкали белки, в их голосах Ичивари почудилась насмешка. Сын вождя, побежденный скунсом! Сын вождя, дерево жизни которого совсем скоро обрастет семнадцатым годовым кольцом. Почти взрослый. Если по росту и плечам судить – так ему легко дать и восемнадцать, и девятнадцать: он вырос в деда Ичиву, ширококостным и статным. Но не обрел дара воина и мудрости вождя... Как показаться перед людьми, пусть даже и бледными?

Кожа на плечах чесалась все сильнее, глаза слезились, подтверждая известное каждому правило: не стоит рассматривать хвост рассерженного скунса. Ичивари пожал плечами и покопался в пегого. Верный Шагари не предал друга: даже не отодвинулся, хотя запах донимал и его. Видно, как вздрагивает шкура.

– Пожалуй, месть подождет, – буркнул Ичивари. – Сперва мы найдем большое озеро и как следует искупаемся. Потом я наловлю рыбы и отдохну, а ты испробуешь самой сладкой прибрежной травы. Никуда эта бешеная не денется. Вон – красная глина. Ее ноги запачканы, след будет явный.

Успокоив себя и обретя цель, Ичивари огляделся еще раз, теперь уже спокойно и без суеты. Он знал здешние леса, как и любые иные в границах земель народа махигов. Он своими ногами исходил тропы и пальцами прочертил их на карте. Уже тридцать годовых кругов выросло на стволах с тех пор, как удалось вывести у первого поколения людей моря самые ценные их знания, в том числе секрет бумаги, устройство компаса, изготовление карт, а также иные точные способы ориентирования. Озеро Белых Туманов лежит к закату, в десяти километрах¹ от поселка бледных.

Ичивари похлопал пегого по шее, поднял голову, подставляя лицо солнцу и понадежнее определяясь на местности. Смешно и грустно. Что осталось от исконного языка леса после принятия стольких новых слов и понятий?.. Что осталось от привычного уклада жизни?.. Того и гляди дети его детей разучатся находить тропы без компаса и карты. Позор. И, что вдвойне неприятно, отказаться от полученного знания не под силу уже никому из людей леса. Чтобы

---

¹ Возможно, кто-то подумает: «Километры для дикарей – это слишком нелепо, автор!» Может быть. Однако происхождение этого слова в нашем случае весьма специфично и будет позже подробно объяснено. – *Примеч. авт.*

провести границы и не воевать с соседями за охотничьи угодья или торговые тропы, нужна карта. А ведь именно постоянные ссоры с соседями и были одной из причин побед бледных в самом начале их нашествия... Это люди леса запомнили и усвоили. Как и люди гор и степи. Они взяли у бледных их силу, сокрытую в знаниях, сели в большой круг и нарисовали границы, установив мир меж племенами не на один сезон – навсегда. Давно это было. И ведомо об этом каждому малышу.

Сын вождя грустно усмехнулся. Чтобы нарисовать карту, требуются стол, чернила, бумага... Стол стоит в комнате, она – часть дома. Окна этого дома куда удобнее застеклить, чем затянуть бычьим пузырем. Если так пойдет дальше, старосты леса – лучшие деревья – снова окажутся под угрозой. Это слова мудрого Магура, деда по линии матери. Даргуш, отец Ичивари и нынешний вождь рода махигов, утверждает, что старик сошел с ума и впал в детство. Он так и сказал при всех, на большом осеннем совете. То есть почти так... Сам Ичивари не слышал слов отца, но ему передали надежные люди. И еще после долгих расспросов родичи по линии секвойи нехотя подтвердили: дед Магур встал, рассмеялся, сложил свое старое одеяло из валяной шерсти, кинул на плечо, чуть поклонился вождям и старикам.

– Муж моей дочери вырос и более не нуждается в советах, – с долей насмешки сказал старик, едва ли не в первый раз вслух признав, что Даргуш ему не кровный сын. Хотя до того дня иначе, как сыном, Магур вождя не называл. – Значит, я свободен. Наконец-то я могу уйти из вашего пропахшего дымом поселка. Здесь земля вытоптана, а лес мертв. Я махиг, а не бледный, мне тут не место.

Он ушел в лес, гибкий и стройный, как молодое дерево, хотя на стволе его жизни уместилось в ту осень семьдесят шестое годовое кольцо. Ушел один, не оборачиваясь, – это видел сам Ичивари, прибежавший и замерший у опушки в нерешительности. То ли мчаться за дедом, то ли утешать плачущую навзрыд маму, без сил севшую в траву. Так и получилось: дед ушел один, а слова его остались висеть в воздухе, как тревожный запах далекого пожара...

Перемены в укладе жизни грянули настолько резко, что никто, кажется, действительно не был готов к ним. И никто не знает, как и куда вести народ, а значит, нельзя безоглядно винить отца в жестокости и называть слепым. Это тоже слова деда Магура. Когда зимой Ичивари нашел его стоянку в лесу, было много времени на разговоры. Огонь крошечного охотничьего костерка без спешки грыз комель сухой елки. Дед сидел и свеживал оленя. В тонких мокалинах, в штанах из кожи, голый по пояс, только на спину наброшено неизменное одеяло. И было ему ничуть не холодно... В жилах истинного махига течет не холодная кровь, но кипучий огонь жизни. Ичивари верил, что и его кровь горяча. Он обязан верить. Иначе не сможет в должное время пройти обряд и стать ранвари: принести дары и при поддержке наставника совершить разделение души, позволяющее приблизиться к миру невоплощенных...

Двигаться по лесу – это удовольствие. Конечно, сказанное верно лишь для истинного махига, единого с зеленым миром и осознающего себя живым в живой природе. Ичивари подумал так – и поморщился. «Природа» – слово бледных. Прежде говорили иначе. Точнее, ничего не приходилось думать, говорить и пояснять. «Ма» и «хига» – два важнейших понятия. Слитые в единое слово, они означают «обретший тело дух леса, воплощенный». Теперь даже для главных слов есть строка в словаре, это тоже изобретение людей моря.

Дед привел старого бледного в поселок еще десять годовых кругов назад, когда многие полагали морских людей скотом. Привел, поселил в своем доме и представил всем:

– Вот человек леса, он имеет большую теплую двойную душу и, значит, обладает правом жить среди нас и даже обязан так поступить, чтобы не впустить в поселок забвение.

Отец тогда не сдержался и при всех спорил с дедом... Но нелепый сухонький человечек остался. День за днем он шаркал следом за дедом, семенил слабыми ногами, задыхаясь и прикашливая. Из дома в дом. Из дома в дом. Здравовался, вежливо, с поклоном принимал воду с

тертыми ягодами, настоящую на коре, – целебное питье, которым угощают в знак уважения. Садился в уголке, разворачивал листки и записывал весь разговор деда со старыми в доме. Это казалось нелепым: зачем записывать на бесценную бумагу то, что известно каждому?

Сам Ичивари ходил за дедом без всякого приглашения и дозволения. Не гонят – так почему бы не пойти и не послушать? Довольно скоро он обнаружил: дед Магур неизменно мудр. Ведь то, что рассказывают старики, действительно вот-вот скроется в тенях прошлого. Растворится безвозвратно. Никто не делает более для рыбной ловли крючков из кости. Не ставит силки на мелкую дичь, сплетая косицы веревок из болотных трав или собственных волос. Знания бледных оказались удобнее. И дед прав, надо записывать утрачиваемое, чтобы потом не пришлось стыдиться. . . Повзрослев, Ичивари заново перебрал воспоминания, прочел записи и понял: не только ради крючков из кости велись длинные стариковские разговоры. Дед дотошно выпрашивал о погоде, звериных тропах и водопоях, уговаривал припомнить, велики ли были стада оленей и сколько видов тех оленей знали старики, какую птицу били на озерах и в какое время года. . . Дед хотел сохранить и этот опыт. А еще, может статься, он опасался перемен. Слишком резких и необратимых.

Когда бледные вошли в лес, они разорвали башмаками дерн, создали шум, бесцеремонно вмешались в жизнь зеленого мира. Живой лес отшатнулся, затаился. А бледные перли вперед, все дальше от берега моря. Подкованные сталью копыта коней губили мох, ружья причиняли смерть зверям без счета и меры, а затем пришел и черед людей. . .

Большой кровью пришлось оплатить племенам леса, гор и степи изгнание чужаков. Но кони остались, хотя их копыта давно не подковывают сталью. И ружья остались. Резкий и едкий запах пороха не покинул лес. Он сделался подобен тончайшей пелене, готовой разделить недавно единое: зеленый мир – и его детей махигов, воспринявших чужое знание и оружие.

– Прежде мы делили духов леса на темных и светлых, это не вполне верно и слишком просто, но пусть так. . . – вздыхал дед, свежую оленя тогда, зимой. – Теперь все иначе. Есть духи леса и есть духи поселка, так я думаю. Если вторые вселятся в нас, мы утратим право зваться махигами. Мы сделаемся мертвыми для леса, как мертвы для него бледные, не имеющие живой правой души. Мы станем подобны им, а лес для нас окажется просто древесиной для печей и мясом для прокорма. Уже теперь мертвы наши верования, от них остались лишь обрывки некоторых обрядов, да и те не кажутся молодежи важными и близкими. Потому что принадлежат прошлому, иной жизни. . . Уходящей.

– Получается, отец прав, – обрадовался Ичивари. – И ты признаешь его правоту! Надо прогнать за море всех бледных. Всех до единого! Они лишены главной души, они ходячие мертвецы. Они хуже скота и страшнее темных духов. . .

– Твой отец разве точно так говорил? Или ты сгоряча припел к его словам еще чьи-то? Ты шумишь и спешишь, как весенний паводок, – спокойно отметил дед. – Посмотри на эту ель, она упала и высохла, годится лишь для костра. Нельзя ее вкопать в землю и снова сделать зеленой. Время, внук, куда беспощаднее мутной реки, обезумевшей после дождей. Оно уносит от берега сразу и безвозвратно и наши победы, и наши ошибки. Туда они смыты, в водопад прошлого, и нет возврата из вод его. . . Дело вождя – не вкапывать мертвую елку прежнего, которое уже не оживет, но выращивать из семян мудрости новое дерево жизни. Мы должны принять знание и остаться детьми леса. Это трудно. У нас мало времени, но и торопиться нельзя. . . Увы, твой папа торопится и иногда ошибается. . . Хотя бы ты сиди и просто слушай лес. Иногда это важнее, чем слушать себя. . . и даже меня.

Дед лукаво покосился на недоумевающего внука. Он умел так вывернуть мысль, что все прежнее и вроде бы явное пряталось, пропадало. Приходилось заново искать тропу, годную для движения рассуждений.

Костерок вгрызался в комель елки, изредка раскусывая смолистые сучки и выбрасывая вверх, в стылое черное небо, россыпь искр. Они взлетали и путались в хитром плетении узора ночи, и без того богато украшенном звездами... Ичивари сидел и слушал сумрак. Ощущал себя такой же искоркой. Вся его жизнь для великого леса – один миг. Но попади искра на сухой мох... и пойдет гудеть неуголимой жаждой верховой пожар, в неумности которого скрывается самый свирепый из темных духов. Неукротимый, безумный, могучий... Странно ощущать в себе судьбу искры, двойственность которой столь опасна. Страшно быть и сыном леса, и врагом его.

Ичивари встряхнулся, освобождаясь от воспоминаний, и пошел быстрее. Сейчас лето, три дня кряду лил дождь, никакая искра не опасна лесу. Даже костер не угроза. Между тем, чтобы развести огонь, необходимо наструтать щепы. Он привык к такому способу, обычному для бледных. Но его нож теперь у бешеной девчонки. Значит, не будет костра? Рыбу придется есть сырой? Но как ее разделить без ножа? Он – дважды и трижды ничтожный, он – погасшая искра, позор рода... Упустил в лесу бледную!

– Ей же хуже! – вслух утешил себя Ичивари. – К ночи так заплутает и набегаются – сама меня станет звать! Тогда и послушаем, как она умеет извиняться и умолять.

Представить синеглазую умоляющей оказалось сложно. Не удавалось подобрать для ее голоса нужного тона, да и годных слов... Прочее не являлось перед внутренним взором, не мог Ичивари представить жалкое и просительное выражение ее лица. Если толком припомнить первые мгновения встречи... И тогда не страх был в глазах, скорее удивление, а в первый миг – даже, пожалуй, приязнь, сразу сменившаяся растерянностью. Если бы он внимательнее глядел, задумался бы. И позже она просила странно, словно бы не вполне искренне. Или он уже вовсе запутался в сомнениях? Дед прав: поселок меняет всех, кто живет в ограде стен. Мир вне леса обманывает людей и вынуждает по привычке видеть не то, что есть истина, но лишь наблюдать поверхность явления, довольствуясь самым первым впечатлением. Поселок приучает к беспечности.

Он, сын вождя, не осмотрелся и не пытался вести себя, как подобает в лесу. Хотя всякое знакомство сродни выслеживанию зверя. Обнаружить человека, рассмотреть, оценить, обдумать все и лишь затем решать, выходить навстречу или обходить стороной... Дед много раз убеждал: очень важно сначала думать, а уж потом – все остальное. И тяжело вздыхал, хмурясь и пряча улыбку. Он ведь однажды признался, что и сам по молодости не любил много думать. Полагал это занятие уделом тех, кто не уверен в себе... Ичивари пожал плечами. По крайней мере, он пробует думать теперь.

Как же все началось-то? Девушка была мила, он ощущал себя гордым – ведь ехал по важному делу на пегом Шагари! Он спрыгнул с коня и пошел по полю, точно помня, как радовались в поселке любому, даже самому малому и случайному вниманию со стороны сына вождя. Так радовались, что лишний раз смотреть ни на кого и не хотелось. А ну как поднимут крик и возьмутся нагло требовать бусы? Отец узнает, и такое начнется... Отец ведь сразу скажет то, что повторяет в отношении бледных всегда: «У них нет большой души». В этом вопросе воин огня Утери заодно с отцом, он даже жестче наставлять будет: «Бледные мертвы всегда, они лишь тела, ходящие и говорящие подобно людям». Ранвари поучал бы, хмуро и недовольно глядя на наглых девиц: «Разозлили всерьез, оскорбили – убей. Расстроили – накажи, ты в своем праве, сын леса и наследник вождя».

Ичивари сокрушенно вздохнул. Он уехал из дома, надышался лесными ароматами свободы и дикости... «и с ума сошел от полноты самостоятельности» – так сказал бы дед Магур, и в этом нет сомнений, даже почти удастся расслышать его голос, огорченный и совсем тихий. Если дед полагает сделанное ошибкой, он никогда не поднимает крика. И на сей раз вразумлял бы очень, очень неспешным шуршащим шепотом. Лишь бы вовсе не отвернулся и не замол-

чал, отказываясь общаться! Магур-то учил внука иначе оценивать людей. Говорил: «Только сердце может ответить, есть ли полная душа у чужого. Сердце, а не глаза. Цвет кожи не надевает душой и не отнимает ее».

– Так что ж мне, спасать эту полукровку? – почти жалобно уточнил Ичивари вслух, хотя дед никак не мог услышать. – Пусть сама выпутывается! Она меня разозлила... ну и даже оскорбила, вот.

Лес промолчал, даже ветерок унялся и не играл с хвоей, не перебирал травинки. И дед промолчал, отвернувшись. Не устраивали деда оправдания. Не было в них взрослого разума, не было откровенности, достойной мужчины, и даже надлежащей безжалостности к своим слабостям. Не было и полного мужества, чтобы признать свои дела и сокровенные мысли.

– Ладно, буду спасать... Но сперва окунусь, – предупредил Ичивари незримого деда.

Жаловаться на то, что кожа зудит невыносимо, он конечно же не стал. Истинный махиг стерпит любую боль. Это неизменно... Хоть в чем-то отец и дед едины.

Озеро блеснуло впереди жидким серебром бликов. Зуд сразу сделался куда сильнее, терпеть его у самой воды вдвойне тягостно. Ичивари запретил себе ускорять шаг, стал без спешки расплетать тонкие косички волос, удерживающие два пера и несколько бусин-амулетов. Заколебался и не решился убрать из волос пестрый ремешок, сложно и узорно покрашенный. Все прочее сложил в сумку при седле, а ремешок плотно обмотал тонкой кожей, спасая от сильного замокания. Исполнив все это, Ичивари снял пояс с пустыми ножнами. Серебро воды так и лезло в глаза, так и манило, ехидно подмигивая. Ручеек бежал у самых ног, спешил к берегу и пищал назойливым комариным голоском: «Поторопись, никто не увидит! Уступи слабости, сейчас можно...» Ичивари решительно отстранил ладонью звук и то незримое, что прельщало, прячась в тенях и усиливая зуд кожи. Это темный дух лихорадки, нетерпимец, породитель жажды. Ему нельзя потакать и в малом. Кажется, утром именно этот дух толкнул полукровку под локоть, вынудил нехотючи распрямиться от грядков и потряхнуть волосами, обращая на себя внимание... Найдя виновника своих неприглядных поступков и смутных мыслей, Ичивари успокоился. Борьба с духом жажды трудна, сын вождя уступил утром, но не сделал ничего непоправимого. Он еще не погасшая искра. А полукровка, получается, вовсе уж ни при чем. Сбежать ей помог светлый дух утешения и вразумления, когда он, Ичивари, смог преодолеть влияние зла.

Найдя подходящего врага и сочтя себя победителем, Ичивари улыбнулся и без спешки сложил вещи на плоском большом камне. Расседлал коня, освободив широкий ремень и сняв со спины Шагари шкуру ягуара, и пошел наконец-то в воду. Следовало нырнуть, отплыть подальше от берега и попробовать выгнать в мелкий затон хоть одну достойную внимания рыбину, крупную и вкусную. Многие нынешние махики не могут удержать скользкую чешую в пальцах. Забыли и это умение, прежде ведомое каждому. Но он-то слушал стариков, позже много раз перечитывал записи, сделанные бледным пожилым писарем, и пробовал повторить, пока не усвоил уроки...

Вода приняла, как родного, обняла прохладой, погладила кожу ног выющимися нитями текучей донной травы... Укрыла с головой. Из-под воды высокое солнце казалось сияющим, окруженным острыми длинными лучами, золотисто-лиственным... Его круг пульсировал в волнах, то растягиваясь, то сжимаясь, то удаляясь, то приближаясь. Вода играла с огненным светом, два самых сильных – по крайней мере, по мнению Ичивари, – духа жили в единении и гармонии, это было красиво и неповторимо...

Ичивари появился из зеленоватой подводной тени без плеска, нащупал дно, нашарил ногами опору, чуть шевеля руками и оглядывая берег. Теперь он уже твердо стоял, отжимая кожаный чехол с ремешком. Серебро бликов текло у самых плеч, волночки бережно гладили спину и играли распущенными волосами, довольно длинными, прикрывающими лопатки.

Огромные секвойи держали на своих кронах синий свод дня, сходясь ветвями в зените. Лес дышал покоем...

А совсем рядом, в двух метрах, крутилось и клубилось такое, что и вздохнуть-то никак нельзя. Ичивари не осмелился даже повернуть голову, кожей опознав угрозу. Клубок линяющих змей! Большой, пребывающий в постоянном движении сгусток ядовитой злости и болезненного раздражения. Выныривая, сын вождя не заметил змей – помешала плывущая по воде трава. Стоп. Откуда на воде трава? Ичивари покосился на дорожку из свежесорванных сочных пучков зелени, растрепанных течением ручейка, толкущихся у берега лениво и неорганизованно. Махиг, на миг забыв о змеях, все же повернул голову, не веря себе.

На плоском камне, столкнув амулеты и шкуру ягуара, сидела полукровка. В синих глазах плясали все те же бешеные грозовые молнии. Губы приоткрыты в подобии оскала. Тонкая рука дрожит, вытянутая вперед. Ладонь чуть шевелится, словно бережно и осторожно подталкивает нечто...

Ичивари покосился на ком змей, сместившийся в воде ближе, и ощутил холод меж лопаток. Дети леса слышат свой мир и осознают себя частью его. Лес не вредит им и тоже признает родными, но внятно слышит он далеко не всех. Только мавиви могут просить и даже приказывать. Увы, последнюю мавиви бледные убили в том самом бою, в котором погиб и вождь Ичива. самого вождя и его мавиви точно убили, это всякому известно!

Тогда кого он, внук великого воина, видит? И как понимать происходящее? Бледные, если верить деду Магуру, могут иметь душу. Но дар мавиви им никто и никогда не открывал и не передавал!

Полукровка всхлипнула, опустила дрожащую руку и зло вытерла слезы. Зашипела, скалясь сразу и на замершего в воде махига, и на змей. Клубок распался. Темные тела в новой коже, яркой и тонкой, блеснули на солнце и сгнули...

– «Ну, погоди!» – ловко повторяя тон, передразнила полукровка, шмыгая носом и чуть успокаиваясь. – Стой там и не двигайся, самозванный хозяин леса. Я еще не понимаю, почему не могу тебя убить. Хочу, но не могу! Очень хочу! Имею право! Ты пень горелый, и место тебе – в том топляке! И чтоб ты сдох... И...

Доводы угасли в невнятном бормотании, шмыганье носом и всхлипах. Шагари, стоявший по колено в воде, неторопливо выбрался на берег, прошел к камню и задышал в плечо плачущей полукровке, пожевал губами край ее убогой одежды. Ичивари чуть усмехнулся. Девчонка – она и есть девчонка. Ревет по всякому поводу и цепляется за чужое сочувствие. Вон обняла конскую морду и разводит сырость пуще прежнего. До чего нелепо! Иметь дар единой души – и не использовать его. Заниматься прополкой, а потом и вовсе почти позволить себя убить.

Бояться этой бешеной нет смысла. Слушаться ее – тоже. Так почему он еще стоит в воде? Потому что пробует следовать советам деда и думать прежде всего иного... А в голове такое творится – хоть до ночи стой, мысли не переведутся и не улягутся в узор разумного рассуждения! Боящаяся боли, жалкая и дрожащая полукровка на самом деле – мавиви. Этого никак не может быть, но он все видел сам! А что он видел? Дед бы так и спросил. Ичивари нахмурился, собирая доводы для ответа незримому деду.

Она умеет ходить по лесу, выследила махига и подстерегла. Неприятно признавать, но сомнений нет.

Она указывала на клубок змей, и тот двигался, куда было указано. Это либо совпадение, либо нечто большее, сомнения есть.

Она смогла привлечь для побега скунса – это почти достоверно.

И она рыдает и дрожит, как распоследняя бледная ничтожная слабачка... Странная мавиви, но и сомневаться в ней едва ли возможно: ведь есть еще и Слеза.

Между тем, по древнему закону, утратившему смысл со смертью последней из мавиви, всякая обида, причиненная существу с единой душой, может караться смертью. По усмотре-

нию мавиви. Будь обидчик хоть сын вождя, хоть сам вождь. Он виновен. Впрочем, поведение бешеной полукровки с первого же мгновения было непонятным и двусмысленным. Она молчала, не отвечала на вопросы и даже не назвалась. А позже твердила невесть что по поводу покорности и извинений... И снова не назвалась.

Так что же следует из всех его мыслей, разрозненных и обрывочных, как плывущая по воде трава? Дед бы точно уже разобрался в происходящем. А его бестолковый внук все стоит и тупо глядит на нелепую плачущую мавиви. Ей действительно плохо. Ее знобит. Может, и до ее единой души добрался коварный нетерпимец, темный червь сомнений, породитель болезни?

Ичивари осторожно шагнул вперед, помогая себе руками, подгребая воду. Вон у самого камня лежит его стальной нож, брошенный девчонкой. Не потеряла и не выкинула, уже хорошо, приятно даже. Цела лучшая вещь, сделанная собственными руками, вызывавшая законную гордость. И еще – есть в обретении ножа польза: можно прямо теперь настругать щепок и развести костер, отогреть эту нелепую незнакомку, укутать в мех ягуара.

– Стой где стоишь, – обернулась полукровка, шурясь опухшими веками и снова шмыгая носом. – Сказано же! Стой, а то...

– А то – что? – уточнил Ичивари, продолжая двигаться к берегу. – Ты уже призналась, что не убьешь меня. Сейчас я разведу костер, и будет тепло. Темный нетерпимец уйдет, и станет проще разбираться в происходящем.

– Бред, – дернула плечом полукровка. – Горячечный бред... Какой нетерпимец? На себя глянь! Иных нетерпимцев тут и не водится. Налетел, хозяин леса... Стой там! Я серьезно. У меня до сих пор руки болят. Я тебя боюсь. Подойдешь ближе – убью. Точно убью. Потому что и хочу, и могу, и не сдержусь.

– В воде холодно, – хитро прищурился Ичивари. – И никого ты не убьешь, уже ясно. Но я действительно виноват и признаю это. Как всякий махиг я обязан служить тем, кто обладает единой душой, и оберегать таких. Ты очень странная мавиви, но я в тебе не сомневаюсь.

Он сделал еще несколько осторожных шагов, выбрался к берегу, с самым торжественным видом встал на колени и поклонился полукровке. При этом голова скрылась под водой – ритуал требовал коснуться лбом земли... Ичивари выпрямился и встряхнулся, сгоняя с волос воду и сердито хлопая себя по левому уху, утратившему способность слышать. Нелепая мавиви то ли всхлипывала, то ли смеялась. Вряд ли она и сама толком понимала, что именно делает. Пегий конь беспокойно переступал ногами и фыркал ей в шею, стараясь успокоить... Девчонка решительно выпрямилась, погладила теплые мягкие губы Шагари.

– Пень горелый! – без прежней злости, но с некоторым вызовом буркнула она. – Не нужны мне твои поклоны. Все равно я тебя боюсь.

– Ты набрось на плечи шкуру ягуара, так будет куда теплее бояться, – посоветовал Ичивари.

– Она же мертвая! – Полукровка всплеснула руками от возмущения. – Совсем! Ты что, издеваешься? Ты посадил меня на коня, как раз на эту гадкую шкуру, и я едва сознание не потеряла!

Ичивари отжал волосы и задумался. А ведь дед что-то такое говорил... И старики тоже. Вроде мавиви в какие-то сезоны не питаются мясом и совсем не носят мех. Не греются у огня, разведенного из зеленых веток. Поэтому они никогда и не жили вместе с племенем. Увы, именно такой порядок вещей сделал их беззащитными перед коварством бледных. Собаки помогли выследить одиночек в лесу, пожары выгнали их в заранее подготовленные засады. И ружья сделали остальное. Так сказал дед Магур. Но как вести себя с мавиви, он не пояснил. Зачем? Обладающих единой с лесом душой больше нет в мире...

– Я разведу костер из самых сухих веток, – пообещал Ичивари. – Во व्यюке, что я вез за седлом, – вон он, – есть одеяло из валяной шерсти. Оно тебе годится? Это хорошая шерсть, ее счесали у живых животных, промыли и обработали руками, не используя железа. Моя мама

старалась. Возьми и грейся. А мне дай нож, чтобы я мог срезать дерн для устройства кострища и настрогать щепок.

– Только помни: медведь рядом, – мрачно предупредила мавиви. – Если что, останавливать его будет поздно. Это его владения, и он даже ко мне прислушивается не во всем. С медведями сложно. Они упрямые.

Мавиви многозначительно помолчала, давая время обдумать сказанное. Нагнулась, нашарила нож и бросила в сторону, подальше и к самому берегу. Отвернулась, порылась в мешке и добыла одеяло. Понюхала, потерлась щекой о шерсть и успокоенно кивнула. Замоталась так, что глаз не рассмотреть, один нос едва виден... Ичивари выбрался из воды, поднял нож и ушел в лес искать сухие ветки. Извинившись за утреннее поведение и обеспечив мавиви одеялом, он чувствовал себя превосходно. То и дело представлял, как расскажет все деду и тогда в глазах старого махи́га загорится огонь радости.

Великий день! У людей леса снова есть мавиви – душа, имеющая воплощение и не утратившая силу единства с лесом. Набрав охапку веток и сучьев, Ичивари вздрогнул и заспешил к берегу. Бегом, спотыкаясь о корни, едва не падая и бормоча ругательства. Вдруг нелепая полукровка опять сгинула? Поди разыщи ее повторно. И, яснее ясного, звать бесполезно, она упрямее медведя... Юноша заскользил к берегу по мокрой траве, роняя ветки из охапки и озираясь. Не сгинула! Сразу стало легче и веселее на душе: сидит на прежнем месте, набросив одеяло на плечи, и перебирает пряди конской гривы. Священный пегий конь Шагари оказался надежнее любой веревки. Удержал мавиви на месте, убедил не уходить.

– Ты ломишься через лес, как распоследний бледный чужак, – с насмешкой сообщила мавиви. – Ты распугал белок и всполошил сорók во всей округе.

– Я боялся, что ты опять пропадешь, – признал Ичивари, быстро срезая дерн и укладывая ветки, кору, мох. – Меня зовут Ичивари, я сын вождя махи́гов. Старший сын.

– Это и так понятно: два пера, и крупное – совсем красное, как у всякого пня горелого, – снова невесть с чего обозлилась мавиви. Покосилась и дернула плечом. – Но ты еще не сотворил с собой самого худшего, раз о тебе без скорби плачет мать леса. Поэтому я не убила тебя там, в сарае. – Девчонка зло рассмеялась. – Ты был такой нелепый с ножом! Все медлил, я тебя заболтала – и они пришли. Те, кого я позвала. Самовлюбленный горелый пень! Не видел, как над тобой качается змея. Не слышал, как вторая примеряется к жилке на ноге. Слепой, совсем слепой и негодный для леса.

Ичивари смущенно развел руками. Дотянулся до своих вещей, добыл огниво и быстро раздул из искорки молодой жадный огонек. Выпустил его пастись на мох и вкусную хрустящую кору. Попробовал вспомнить сарай. Не было там змей! Не мог он не заметить... Или мог? В голове невесть что творилось. Полукровка всхлипывала, кричала и умоляла. Шептала... оказывается – заглушала шелест змеиной чешуи.

Огонек окреп и захрустел тонкими щепками, а затем и веточками. Пришло время дать ему более основательный корм. Ичивари снабдил достойной пищей самого могучего, по мнению махи́гов, духа зеленого мира (если не считать покровителя вод). Поклонившись огню, сын вождя позволил себе снова обернуться к странной мавиви. Устроил для нее возле огня удобную подстилку из сухой травы. Бросил выюк и пригласил пересесть ближе.

– Я так и не удостоюсь чести услышать твое имя? Могу еще раз извиниться и попросить о наказании. Но ты сама тоже виновата! Ты не сказала ничего сразу, ты вела себя непонятно. Я живу по законам, которые установил вождь. И даже несколько отступаю от них, потому что дед полагает неверным считать бледных бездушными.

– Вождь? – прошипела девушка, снова с презрением. – Падаль. Гнилой мертвый человек. Совсем мертвый!

– Он мой отец, не надо так...

– Что он понимает в душах и бездушии? – возмутилась полукровка. – Как можно разделять людей просто из мести и старой пустой злобы? Если я буду долго сидеть на солнце, моя кожа потемнеет и я обрету правую душу! – Она сухо рассмеялась. – Я не следую глупым законам. И не желаю их знать. Пусть брат учит, он бледный и мертвый. Все они такие. Я ушла от них, когда мне было четыре года. Сама ушла. – Она резко вскинулась, синие глаза снова стали темными, опасными. – В лесу я решаю, что есть закон, а что беззаконие. Разве твой отец ходит на охоту? Разве он покидает поселок в этот год? О-о-о, он прекрасно знает, как зол на него лес. Но не пытается образумиться. Наоборот, мстит. Пустил в ближние леса этого пня горелого, этого... урода.

– Не понимаю, о ком ты. Но надеюсь, мы еще разберемся. Грейся.

Ичивари снова накормил огонь и виновато вздохнул. Если припомнить... А ведь так и есть, отец с зимы не бывает в лесу. Всякий раз находится причина, чтобы отменить охоту или даже важную поездку на границу. К людям степи, например, по весне был отправлен вместо вождя он, Ичивари. И он ни о чем не задумался, гордый отцовским доверием и своей высокой миссией. Он ехал на Шагари и жаждал увидеть с опушки большую равнину, на которой просторно всякому ветру.

– Значит, ты обижена на махигов, – огорчился Ичивари. – Но это неправильно, мавиви почитаемы народом леса. И слова меняют больше, чем молчание. Если бы мы знали о тебе, мы бы...

– Утром я стояла и смотрела, как ты идешь по полю, – тихо сказала полукровка. – Я могла убежать. Могла назваться. Могла молча убить сына подлого вождя. Но я сомневалась. Бабушка никогда так глупо не сомневалась. Она была великой... А я теперь одна и мне трудно. Лес слишком рано позвал мою бабушку.

Ичивари покосился на воду. Костер уже греет, угли постепенно копят. Пора бы заняться рыбной ловлей. А нелепая мавиви снова, кажется, вот-вот начнет плакать.

– Рыбу ты ешь? Тебе можно?

– Можно, – буркнула полукровка. – Сейчас. В этот сезон.

Сын вождя не стал ничего уточнять дополнительно. Он кивнул и пошел к воде. Хотелось окунуться с головой и отрешиться от всех мыслей, зудящих просто-таки нестерпимо. Отец стал чужим лесу! Мавиви сознательно скрывается от народа, почитающего единых душами и оплакивающего их гибель. Слеза Плачущей была знаком не ему, а этой девочке... И не он надумал убивать, это его заманили в сарай, куда долго никто бы не заглянул. Все крики и мольбы были обманом. И вовсе эта мавиви не полукровка, рожденная от бледной сговорчивой матери: уж точно не зря она упомянула бабушку. Синеглазая мавиви – прямая наследница чудом выжившей единой души...

Слишком много нового и сложного. Ичивари вынырнул, отфыркиваясь. Быстро выбрался на берег и бросил на траву две рыбины. Почистил, выпотрошил, промыл. И пошел по мелкой воде к костру. Вряд ли мавиви понравилось бы вблизи наблюдать за чисткой рыбы. Так он решил и потому все сделал сам и в стороне.

– Ичивари, – задумчиво выговорила мавиви не оборачиваясь. – Бабушка мне говорила о воине по имени Ичива. Тот должен был хранить ее сестру по дару. Кажется, это очень грустная история. Бабушка никогда не рассказывала ее до конца. Там глина и травы. Для рыбы.

Ичивари кивнул: он и сам уже заметил приготовленную глину для запекания рыбы. Быстро обмазал и поежился, наблюдая, как мавиви играет с арихом. Гладит синие огоньки на углях, вроде бы ласково и уж точно без спешки перебирает тонкими пальчиками сами угли. Разгребает их, готовя место для рыбы. И снова укладывает на место. Если прежде он хоть немного, самую малость, сомневался в природе души этой светлокожей девочки, то теперь утратил повод к сомнениям. Огонь не жег ее. Потому что дух его – арих – сам был частью этого удивительного существа.

Чем единая душа отличается от обычной? Однажды он спросил у деда, и тот повел внука в лес. Показал два сросшихся дерева с разными корнями и разными кронами, обнявшиеся стволами и делящиеся соком... Сказал: «Видишь, у них одна душа на двоих. Так бывает даже с деревьями. И таковы мы, люди леса. В нас много намешано. Мы живем в зеленом мире, но мы и берем у него, выделяясь из леса в поселки. Мы вместе с ним, и все же мы отделены...» Провел пальцем по стыку стволов: «Так мы ощущаем мир, внук. Через движение соков. Подспудно и неявно. Мы привязаны к своим корням и достаточно неповоротливы. Мы мало видим и слабо слышим. Мавиви иные. Они – и ветер в кронах, и дождь на листьях, и солнце, играющее с облаком. Людей ты видишь, и глаза тебя не обманывают. Мавиви нельзя постичь зрением. Мы – деревья в лесу жизни. Они – сам этот лес и его закон жизни». Это было, пожалуй, самое невнятное и сложное из дедовых пояснений. Ичивари долго думал и потом много раз ходил к тем деревьям. Он научился, глядя на пару сплетенных стволов, понимать двойственность «ма» – души и «хига» – ее телесного воплощения. Но как постичь весь лес? И как может закон жизни помещаться в обычном воплощенном человеке, телесном?

Теперь Ичивари следил за движениями рук мавиви и снова гадал: насколько она человек и как в ней уживаются два столь несовместимых начала? Ребенок в возрасте четырнадцати-пятнадцати годовых кругов – и безвременное, великое дыхание самого мира...

– Смешной ты, – отметила мавиви. – Пялишься на меня так, словно это трудно – играть угольками. А сам-то собирался заняться куда более страшным. У тебя отмеченные красным перья в волосах. Отец обрек тебя огню...

– Посвятил.

– Ты споришь со мной? – поразилась мавиви. – Или ты полагаешь, я не умею разговаривать?

– Что ты делала на батаровом поле?

– Ругалась с жуками и гусеницами, – дернула плечом мавиви. – Крупный батар вкуснее дикого. Они всей толпой вломились на поле. Меня позвали усовестить наглецов и спасти урожай. Мавиви всегда делали подобное. Разве нет?

– Хорошенькое дело! Значит, бледным ты помогаешь и они о тебе знают, – возмутился Ичивари. – А нам, людям леса...

– И много у вас пожрали посевов? – воинственно вскинулась мавиви. – Все меня зовут! Все. Только не знают, что меня. И потом твердят разные нелепости о везении и действенности амулетов. Суеверия. Кругом суеверия. И ты...

– Пень горелый, – подсказал Ичивари, широко улыбаясь и удивляясь себе самому. – Почему я не могу на тебя злиться?

– Потому что боишься медведя, – упрямо прищурилась мавиви. Покосилась на соседа и дернула плечом, хмурясь из последних сил: ей тоже было весело. – Ну ладно. Не боишься, хотя стоило бы. И я тоже на тебя уже не злюсь. Ты не совсем пень. Ты еще вполне даже живое дерево. Потому я, если честно, и не заметила тебя, пока ты не слез с коня. Обычно я ухожу до того, как меня увидят. Ты меня подкараулил. И я совсем растерялась... Доволен?

– Да, – возгордился собой Ичивари. Взярошил влажные волосы. – Слушай, безымянная мавиви, а что мне дальше-то делать? Ты обозвала меня пнем и наговорила явных гадостей по поводу обряда разделения души. Но я ехал к наставнику, и именно по поводу обряда. Ехал на Шагари, пегом коне, приносящем удачу в пути. Так куда дальше ведет мой путь? Ведь мне уже повезло. Я встретил тебя.

– Ты как-то странно думаешь. Не так, как мне понятно, – пожаловалась мавиви. – Сплошные обвинения и суеверия. Дикость какая-то... Вы же живете в поселках, вроде письменность усвоили. Но ты обвешан амулетами. И еще это счастье, якобы притягиваемое хитрыми наговорами, пегими лошадьми и даже пестрыми узорами вышивки на рубахе. Горячечный бред! И хуже него только ваша слепая злоба... готовность уродовать людей. Бледных. Чего ты хочешь

от меня? Совета? Я не даю советов. Ответа на вопрос? Но ты не задал нужного, главного для себя вопроса. К тому же я редко отвечаю. Просто не для всех есть ответы. Я не понимаю даже, почему я еще здесь. Мне не нужна рыба, чтобы быть сытой. Мне не требуется одеяло, чтобы греться. Но я сижу, и мне здесь... неплохо.

Ичивари задумчиво перебрал в горсти амулеты. Покосился на девушку. Сидит, вздыхает... Главное суеверие всего леса, которое само, оказывается, не верит в суеверия.

– Все амулеты – ненастоящие?

Мавиви задумчиво глянула на деревянные бусины и камешки в горсти. Наклонилась ближе и указала на один, подаренный мамой год назад. Затем с некоторым сомнением выбрала второй – дедов.

– Эти тебе дали с душой. Они теплые. Прочее – мусор. Кроме вон той кожаной крашеной нитки – ее ты, даже купаясь, не смог снять. Не расстался с ней и на миг, хотя именно в ней – зло. Отдай мне. Уберу вред для тебя и леса.

– Но это знак единения с огнем! – поразился Ичивари. – Без него я не смогу пойти к наставнику и принести дары. А через зиму я без него не буду допущен к разделению души.

– Опять споришь со мной?

– Хочу объяснений! Люди моего рода всегда защищали лес. Бледные уже дважды возвращались. Приплывали на больших кораблях. Их смогли прогнать лишь воины огня. Это моя судьба, мой долг. Как же я...

– Ты спросил. Я ответила. Или отдай нитку, или я пошла. – Мавиви нарезала мысли хлесткими короткими фразами.

Ичивари смотрел на нее, по-прежнему сидящую рядом, склонившуюся к амулетам. Темные волосы почти прячут лицо. Но бешеные молнии в глазах и теперь видны. Пляшут, бьются. Оторваться невозможно – гляди и гляди, забыв дышать. Вот поэтому он и спешился. И пошел на это поле, едва помня себя... Кажется, и теперь не поумнел. Нитку нельзя отдавать. Что он скажет отцу? И как объяснит наставнику? И как он вообще будет дальше жить? Да его выгонят из племени... А глаза у нее, когда злитесь, – фиолетовые. Почти черные.

– Если так надо... – Ичивари начал выпутывать из волос знак огня, но пальцы не пожелали слушаться. Пришлось, преодолевая сопротивление своих же рук, быстро и неловко срезать ножом всю тонкую косицу, вместе с ремешком, в нее заплетенным. – На. Но ты могла бы назвать имя, раз отбираешь главный знак огня. Не так уж и мало ты потребовала, знаешь ли.

– Это не знак огня, – тихо сказала мавиви, глядя на шнурок и примеряясь, как бы его поудобнее взять. Морщилась при этом так, словно он живой и ядовитый. – Такой знак – подтверждение готовности отдать родную кровь темному безумию, порой владеющему пламенем. Ты меня удивил. Взял да и отказался от знака, словно это так просто... Определенно, ты не пень горелый. Я удачно ошиблась. И удачно одумалась. Вовремя, спасибо Плачущей.

Девушка скривилась, словно от боли или, что вернее, отвращения. Вцепилась ногтями в кончик шнурка и выдернула его, совсем сухой даже после купания, из неплотно сжатой ладони Ичивари. По лесу пробежал ветер, небо нахмурилось, делая воду озера серой и угрюмой. Огонь костра загудел и вскинулся, заплелся выюном смерча. Потянулся к шнурку. Мавиви возмущенно отстранила пламя тыльной стороной свободной руки, словно пощечину дала. Встала, прошла к воде и опустила в озеро руку с зажатым шнурком. Вода сердито зашипела, тонкая змейка пара скользнула к вершинам большого леса – и снова выглянуло из-за туч солнышко. Девушка еще раз усердно прополооскала шнурок, поскребла ногтем, довольно хмыкнула. Нашарила в воде камень, обвязала его и, сильно размахнувшись, отправила мокрый узор огня на мокрой кожаной основе в самую середину озера...

– Так-то лучше, – сказала она, снова садясь к огню. Голос звучал устало, едва слышно. – Он был уже сильный... Еще немного, и он бы до угольков тебя спалил. Сперва внутри. А потом уж...

Мавиви тяжело вздохнула и махнула рукой, не желая продолжать трудный разговор. Костер опять мирно потрескивал ветками, как сытый пес – любимой старой мозговой костью, уже обглоданной, не дающей пищи и не утоляющей голод, лишь позволяющей провести вечер приятно и за делом... Ичивари вздохнул, отвернулся от озера. Когда нитка погрузилась в воду, внутри что-то оборвалось. Он почувствовал боль. Сперва стало страшно и тягостно, но затем всего лишь пусто и просторно. Он снова вздохнул и отметил, что в легких будто бы помещается больше воздуха. Солнышко теперь иное, оно ласкает кожу не безразлично, а родственно. А ветер... Ветер стал куда слышнее. Но главная перемена – вода. Он словно от глухоты излечился! Мелкие волны гладят траву и песок. Перебирают листья. Процеживают пузырьки воздуха – крошечные, нарядными бусинами нездешнего праздника летящие к свету. И все это принимает и впитывает он – Ичивари, сын леса. Не просто слышит, как всякий бледный, но ощущает кожей, легкими, вообще невесть чем! Словно его из кокона вынули. Из тесного, сухого и душного кокона...

– Не знаю, какой подлец из породы мертвых деревьев запустил эту ложь, – задумчиво сказала мавиви. – О двух отдельных душах, хотя легенда говорила лишь о корнях мирового древа, вросших и в вышнее неявленное, и в нижнее воплощенное. Сперва я думала, только бледные отравлены ложью. Мне брат рассказывал, что можно убить душу по воле духов, и иные, на его ферме, верили. Но ведь и ты твердишь нелепицу о разделении и дарах. И носишь с собой знак безумия. Кажется, это серьезно. Если бы бабушка была с нами, я спросила бы совета. А теперь вот самой надо решать.

Мавиви поникла и виновато дернула худеньким плечиком. Дрожащими от слабости пальцами выбрала самый яркий уголок и сжала в сложенных ладонях. Ссыпала золу, виновато улыбнулась: догадалась, как странно ее действия выглядят со стороны... Словно она хвастается возможностями. Ичивари ничего подобного не подумал. Наоборот, ему вдруг показалось, что мавиви трагически беззащитна. Совсем одна, одеялом укутать и рыбой угостить и то некому. «Пусть она сколько угодно отрицает разделение душ, – подумал Ичивари, – но сама-то страдает от него, как никто иной». Мир леса дышит вместе с ней и глядит на людей ее глазами. Но не дает советов... И не помогает принимать решения. Не избавляет от одиночества и буквально рвет надвое, искушая могуществом нечеловеческого и унижая бессилием... Ей ведь не с кем и словом перемолвиться! Вот и сидит у костра, разведенного им – «пнем горелым», обидчиком. Человеком, пока что ничем по-настоящему не заслужившим уважения и доверия.

– Пошли искать деда, – серьезно предложил Ичивари, поплотнее укутав плечи мавиви одеялом. – Вот увидишь: мой дед такой же мудрый, как твоя бабушка. Он давно слушает лес. Вместе мы уж точно разберемся.

– Ты ведь спешил, – с долей насмешки напомнила мавиви, пряча руки под одеяло.

– Теперь мне вовсе некуда торопиться. Идем. Моего деда зовут Магур. Он из народа нижних гор, как и моя мама. Его сын, мой дядя, погиб в одном бою с вождем Ичивой. Жизнь многих воинов гор иссякла в один день с жизнью Ичивы и той мавиви, которую он оберегал. Род детей кедров стал слаб и мал. Магур позволил ему влиться в число лесных племен, отказавшись наносить на карту еще одну границу.

– Ты хорошо о нем говоришь, – задумалась мавиви. – Ладно же... Если честно, мне трудно одной в лесу. Наверное, я плохая мавиви. Мне не хватает разговоров. Бабушка и дедушка ушли. Я совсем одна... А где живет твой дед? В поселке? Я не пойду в поселок.

– Нет. В начале лета он, пожалуй, обосновался в долине Поникших Ив. Я не видел его с зимы. Странно: а почему я к нему не ходил?

– Потому что слепое безумие уже высушивало твою кровь, – строго сказала мавиви. – Идем. Я уверена, что мне понравится твой дед. Я даже, может статься, назову тебе свое имя, чтобы ты мог нас толком познакомить. У меня много вопросов. Хорошо, он хотя бы выслушает... Иногда очень важно вслух задать вопрос. Для этого надо его поймать и выгнать из

зарослей на яркое солнце, так говорила моя бабушка. И еще она добавляла, что ответ сам придет. Он как тень... Когда много света и понимания, проступает и сразу виден.

– Тогда вперед!

Ичивари от радости хлопнул себя по колену. И заторопился подать обед. Сам, шипя и цокая языком, выгреб угли неудобной короткой палкой. Оббил глину и разделил рыбину. Пока мавиви ела, почистил коня и пристроил на его спине вместо седла одеяло, которое сбросила согревшаяся мавиви. Затем, давясь от спешки, Ичивари проглотил свою часть пищи, запил водой. Быстро затушил угли и уложил на место снятый дерн. Почему-то не было даже самой маленькой тени страха в душе, не точило червячком-короедом сомнение: он ведь нарушает свой долг и не спешит к наставнику... даже не отправляет весть отцу! Между тем именно теперь, пока лето еще не достигло своей вершины, он обязан прибыть к наставнику Арихаду и жить у него. Долго – пока не подберет единственно годный вид оружия и не изготовит его сам, воздавая почести огню и соединяя с ним кровь. Потому что еще до рождения отец посвятил его, старшего сына, великому духу пламени. И сказал слова, известные каждому махику: «Он отдаст правую свою душу, чтобы обрести силу воина огня». Великие слова, дарующие надежду на победу над бледными вопреки изощренности их оружия и коварства...

– Как зовут этого коня? – уточнила мавиви, прерывая раздумья спутника.

– Шагари. Ему шесть лет. Я сам растил его, – гордо ответил Ичивари. – Он хоть и посвящен от рождения Плачущей, но работать любит. Пахать обучен. И груз возит, и водяное колесо крутил, когда заболел старый каурый конь, его родич. Правда, отец рассердился, но ему сказали не сразу. Мы уже накачали воды для полива...

– Он отругал коня? – удивилась мавиви.

– Нет, зачем же так... – Ичивари смутился и добавил совсем тихо: – Зря я начал этот разговор. Отец меня наказал. За самоуправство и дерзость посадил на три дня на главной площади поселка, у столба боли. Без пищи и воды. Строгое наказание. Все сказали: «Смотрите, вождь Даргуш не дает поблажек и сыну, он справедлив».

Сын вождя помолчал и хлопнул Шагари по шее: все было готово к походу. Зачем говорить мавиви, что у столба он позорно потерял сознание, а когда очнулся дома, узнал: старого каурого коня отец приказал забить на мясо. Тем более не стоит рассказывать, что он плакал ночью – ведь это недостойно мужчины – и что утром сбежал к деду... и до сих пор ощущает вину за свой поступок. Потому что не успела состариться луна, видевшая его слезы, как дед ушел из поселка в лес. Насовсем.

Мавиви не полезла на коня. Прихватила темную гриву и зашагала пешком, шурясь на солнышко, выстилающее ей под ноги узорные блики и тени. Словно весь лес – огромная и драгоценная ягуаровая шкура, без сожаления брошенная на тропинку перед мавиви. Трава лоснилась золотом, сочные пятна теней казались пушистыми и непроглядными... Весь мир рядом со странной попутчицей выглядел особенным. Не копилась усталость, корни не подворачивались под стопы. Птицы и звери не прятались и не уходили прочь. Бабочки и стрекозы едва слышно шуршали, то и дело садясь украшением на темные волосы.

– Ох...

– Ты всегда так по лесу ходишь – считая стволы лбом? – с некоторым сочувствием рассмеялась мавиви, останавливаясь и оборачиваясь. – Садись-ка сам на коня. Это я виновата. Сухость ложных чужих клятв больше не жжет тебя, но к этому тоже надо привыкнуть. Мир кажется ярче, ведь так? Даже чересчур яркий, от него кружится голова.

– Да.

– Потому что душа постепенно восстанавливается. Удачно, что был дождь. Тебе это на пользу. Не знаю, кто придумал злую глупость о двух душах махигов, только он лгал.

– Но все знают! У нас две души. Правая и левая... левая малая, с ней связано сердце, и она есть даже у бледных. У некоторых. Правая же – дар леса, если этот дар вернуть, можно

обрести покровительство одного из могучих духов. Так говорят старики. Великое одолжение оплачивается великой ценой...

– Горячечный бред! – возмутилась мавиви. – Душа одна, два лика ее взирают в миры явленного и неявленного. И если ослепить один из ликов, можно запросто подцепить такую гадость, которая уже ничем не лечится. Кроме смерти... и то не всегда помогает. – Девушка сердито сорвала несколько листьев и приложила к шишке, готовой надуться на лбу спутника. – Ичивари, тот шнурок связывал тебя вовсе не с духом огня. Он сушил тебя и гнул, а еще тянул к тебе чудище, безумие большого пожара. Постепенно ашриг сделал бы тебя мертвым внутри. Головешкой. Пнем горелым. И это еще не самое худшее. Выжженная дотла душа становится опасна зеленому миру.

– Этого не может быть!

Мавиви серьезно одернула свою истрепанную рубаху, подняла руку, поймав на ладонь солнечный блик. Нахмурила темные брови:

– Меня зовут Шеула, и я говорю тебе то, что знает и шепчет большой лес. Твое право – верить мне или продолжать слушать иные голоса.

Ичивари снова заглянул в синие глаза. И подумал, что даже если бы она была не мавиви и даже если бы совсем, по обоим родителям, бледная... Он бы все равно поверил. Потому что нельзя человеку оставаться в лесу одному. Никак нельзя.

– Даже если отец меня выгонит из поселка и объявит безумцем, – со странной веселостью откликнулся Ичивари, – я не стану слушать иные голоса. Меня зовут Ичивари, и я говорю это не как сын вождя, а как сын большого леса.

– Ритуалы, продолжение суеверий, – попыталась насмешливо хмыкнуть мавиви.

Но было видно – ей приятны и важны сказанные слова.

Глава 2

Право на побег

«Воистину, всякий народ создает верование с чистой душой и глубокой искренностью. Ибо без веры мы, угнетенные суетным, не имеем почвы под ногами, не видим горизонта и не домысливаем мира за его изгибом. Вера – наш светоч и наши крылья.

Но позже, вкусив плодов древа познания, именуемого цивилизацией, мы утрачиваем природную искренность и заменяем веру обрядом. И нет более отдельных голосов, возносящих слова к Высшему, на смену им является хор. Кто-то в слитном гомоне поет, а кто-то и рта не раскрывает, не зная слов и не слыша музыки... Стройность гармонии разрушается, и Высший, надо полагать, спешит прикрыть окно, дабы не оскорблять своего слуха извращенной музыкой... А мы поем все громче, заменяя душевное рвение напряжением горла. Стоящие на хорах повыше иных принимают высматривать молчунов, дабы указать на них: «Глядите, вот ересью отмеченные, по их вине закрыто окно! Воздадим им за грехи их по нашему разумению! Но прежде вызнаем, кто научал и кто потворствовал».

Подменив Божий суд людской расправой, вынуждаем мы Высшего задержать штору и отойти от окна. Так безверие делается губительным ядом, отравляющим даже чистые помыслы и намерения».

(«Размышления о вере», из личных записей Рёй-ма Кавэля)

Корни кедра моей души уходят глубоко, сплетаясь с корнями гор. Корни пьют сок земли и хранят память об ушедших. Голоса предков звучат в шелесте хвои. Живая память... и живая боль. Пятьдесят годовых кругов опоясали сердцевину ствола, отделили счастливую молодость от нынешнего лета. Тогда кедровник на склонах снеговых гор не знал звона стального топора. Темная живая хвоя не корчилась в огне, разведенном бледными. Бездушными, глухими чужаками, не способными ощутить и расслышать, как кричит от боли умирающий старейшина леса, как он стонет, бессильно цепляется лапами ветвей за соседей и все же падает, подрубленный. Он помнил многие поколения людей гор и мог бы запомнить еще так же много... Но пришлые люди оказались более чуждыми и враждебными, чем безумие пожара или ярость взбесившегося горного оползня.

А я был молод и обманулся их сходством с нами – людьми зеленого мира. Я рассказывал им о горах, пояснял им наши обычаи, учил жить в лесу, старался найти с ними общий язык. Никто из нас еще не знал слова «дикарь». Они так звали нас, но мы полагали – это совсем простое слово, обозначающее чужих людей. Только мы для них были не люди. И даже не скот. Мы были, как и наш лес, – дрова для огня, именуемого «цивилизацией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.